

УДК 001.18: 123.1

ЛОГИКА СПОНТАННОСТИ В ПРОЦЕССАХ ПОЗНАНИЯ

© В. Ю. Даренский

Даренский Виталий Юрьевич
кандидат философских наук
доцент кафедры
философии
Луганский аграрный
университет
(Луганск, Украина)
e-mail: darenskiy1972@mail.ru

В статье рассматривается спонтанность познания как философская проблема. Человеческое познание интерпретируется как проблемная сущность, детерминированная различными типами культурных архетипов. Понятие спонтанности рассматривается как фундаментальный принцип человеческого познания как креативного процесса. Акцентируется понимание того, что спонтанность определяет личностную открытость новому знанию и создает операциональные смыслы, конституируя различные субъективные позиции в рамках научного исследования. В статье анализируется философский и антропологический смысл понятия спонтанности, который позволяет понять скрытые параметры научного исследования и его культурных форм. Также предложена типология архетипов познания как базового уровня научного мышления.

Ключевые слова: спонтанность, познание, наука, открытие, культура.

Наличие элемента спонтанности в процессах познания очевидно и общепризнано. Однако при исследовании этот элемент, как правило, рассматривается исключительно как «субъективный фактор» познавательных актов. Логический анализ становления и обоснования новообразованного знания обычно как раз и ставит себе задачу ретроспективно элиминировать элемент спонтанности из реального познавательного действия, в частности, процессов открытия и обоснования, т. е. конституирования и теоретической экспликации нового содержания знания. Тем самым элементу спонтанности, истолкованному как привходящий, «субъективный» фактор, как форма, якобы случайная для нового знания, обыч-

но отказывается в собственной логической значимости и онтологии. Новое содержание знания рассматривается, с одной стороны, как результат последовательного рассуждения в рамках старой системы знаний и представлений о предмете, а с другой — как результат внезапного «озарения», спонтанного «скачка» из старого к новому.

Однако ведь именно в рамках этого «скачка» и складывается новая предметность знания, вскрывающая объективную логику вещей! Но в таком случае мы уже не имеем права рассматривать его лишь как привходящий «субъективный» фактор нового знания, как всего лишь случайную форму его становления. Поэтому можно сформулировать следующее предположение: элемент спонтанности в процессах познания есть тот элемент логического конституирования и смыслового освоения нового содержания знания, который невозможен в рамках предшествующей ему системы знаний о предмете, несмотря на все накапливающиеся там предпосылки, ибо элемент нового *ergo* не может быть элементом этой системы. Этот тезис имплицитно содержит в себе два более конкретных утверждения: 1) спонтанный процесс смыслообразования и конституирования предметности нового знания обладает своей имманентной логикой, отличающейся от привычной логики последовательного логического рассуждения; 2) спонтанный процесс смыслообразования и конституирования предметности нового знания является развертыванием каких-то более глубоких детерминаций познавательного мироотношения, чем непосредственно осознаваемые его принципы и формы. Таким образом, внутренняя, естественная спонтанность протекания познавательных процессов отнюдь не является чем-то исключительно иррациональным и выходящим за рамки методологического истолкования. Наоборот, именно она как раз и дает своеобразный «ключ» к пониманию познания как одной из универсалий человеческого бытия.

Основным препятствием для применения категории спонтанности при анализе процессов познания является представление, будто спонтанность как таковая есть противоположность закономерности. Кажется непонятным, каким образом объективные закономерности могут познаваться посредством того, что им по сути противоположно. Однако для такого представления нет оснований. Этимологически понятие спонтанности является производным от латинского глагольного сочетания *se ponere* — «полагать себя», «самополагаться» (оно однокоренное слову *pontus* — «мост», дословно — «положенный»). Таким образом, внутренняя форма слова «спонтанность» указывает только на самополагание и самопроизвольность, т. е. на необусловленность ближайшими причинами и условиями, которая в то же время является конструктивной, полагающей нечто, чего раньше не было. Если исходить из презумпции закономерности всех явлений и процессов объективной действительности, то категория спонтанности как «необусловленности ближайшими причинами и условиями» предполагает, что в спонтанности может проявлять себя закономерность иного плана, не связанная с ближайшими условиями, но связанная с причинами и условиями более фундаментального порядка. Таким образом, категорией, противоположной по сути категории спонтанности, является категория «непосредственной обусловленности», но отнюдь не категория закономерности; саму же спонтанность можно категориально определить как «конструктивную нео-

бусловленность» или «необусловленную конструктивность», имея в виду, что речь идет лишь о необусловленности ближайшими наблюдаемыми условиями, но отнюдь не фундаментальными закономерностями той или иной сферы действительности, где эта спонтанность возникает. Спонтанность представляет собой своего рода «вклинивание» закономерностей более фундаментального порядка в поле действия закономерностей производных, — и по отношению к последним это чисто внешне может выглядеть и восприниматься как их «нарушение». Кроме того, следует заметить, что исходное значение слова «спонтанность» вовсе не предполагает его тождества с понятием «бессознательность», что весьма характерно для современной трактовки спонтанности.

В дальнейшем анализе мы исходим из двусоставной модели познавательного действия: предметно-экспериментальные действия + мыследеятельность. Последняя, в свою очередь, распадается на: 1) усвоение основной и сопутствующей информации о предмете, цели и методах познавательного действия; 2) предварительную рефлексию (обнаружение проблемы + продумывание возможных путей ее разрешения); 3) момент понимания (обнаружение/конституирование новой предметности знания + смыслообразование); 4) объяснение нового содержания (предметность + смысл) знания, т. е. экспликацию его в общезначимой и общепонятной форме. Элемент спонтанности так или иначе присутствует на всех четырех этапах, но доминирует он в третьем, в акте первичного понимания (открытия новой предметности знания). Момент возникновения нового содержания знания как таковой вовсе не следует с необходимостью из первых двух. Наоборот, «нормальным» является как раз противоположный случай, когда рассмотрение вопроса остается в рамках готовых представлений, «подтверждает» их. В явлении обнаруживается только то содержание, которое изначально «вложено» в него смысловой интенцией субъекта. «Герменевтический круг» здесь замкнут, всякая проблемность редуцируется к изначальным смысловым презумпциям и объяснительным моделям. Ведь необходимым условием нового понимания (понимания как открытия *новой предметности* знания) является элемент некоторого «самоотречения», самопроблематизации мыслящего разума: должны быть поставлены под вопрос сами средства, стереотипы и установки нашего восприятия и осмысления реальности, в противном случае новая предметность знания вообще не может быть обнаружена как таковая. Эта самопроблематизация всегда имеет какие-то внешние, т.е. принудительные для нашего мышления предпосылки, но никогда не может быть ими полностью детерминирована, т. к. имманентным свойством разума является действие в соответствии со своими внутренними (осознанными или неосознанными) детерминациями. Борьба этих двух рядов детерминаций в рамках единого познавательного действия определяет непредсказуемость его как текущих, так и окончательных результатов — их спонтанное, т. е. не обусловленное ближайшими эмпирическими причинами, конструктивное происхождение.

Обычному, редуктивному типу мыслительной ситуации, когда понимание носит исключительно воспроизводящий, формальный, ритуализированный характер, противостоит тип, который можно определить как эксдуктивный (от *лат.* *ex-ductio* — «выведение за рамки чего-либо»). Именно он несет в

себе элемент открытия новой предметности и нового содержания знания, «выводя» его за рамки воспроизведения готовых объяснительных моделей. В переходе от первого типа ко второму могут действовать как внутренние, так и внешние факторы познавательного усилия. Такой внутренний фактор, как наличие объяснительных презумпций, *vorurteile* («предсуждений»), — основная предпосылка редуктивного типа понимания. Однако другой внутренний фактор, который можно назвать экзистенциальным — стремление человека к непознанному, загадочному, некая «усталость» от общепринятых мнений, — основная предпосылка «эксдуктивной» ситуации. Последняя, в свою очередь, чаще всего актуализируется внешними факторами — очевидностью фактов, необъяснимых в рамках принятой теории или мировоззрения в целом; противоречивостью самой этой теории или целого мировоззрения, на котором она зиждется. В этой взаимной обусловленности внешнего и внутреннего факторов определяющим является в конечном счете последний: ведь и факты, и противоречия существуют объективно, и лишь от человека зависит, захочет ли он их увидеть, осознать.

Открытие нового знания возникает в результате конструктивного «скачка» от исходно данного к некоторой новой ситуации, внутри которой исходная проблемность оказывается (хотя бы условно, в рамках принятых допущений) разрешенной. Именно в этом «зазоре» конструктивного усилия, «скачка» обнаруживается спонтанность как самополагание мысли, лишь отчасти обусловленное ее исходными, заданными условиями. Открытие, с одной стороны, всегда уже есть результат обоснования (экспериментальная верификация, «вписывание» в существующую систему знания и т. д.), а с другой — его исходный пункт и основной предмет. Диалектическое отношение открытия и обоснования обусловлено тем, что обоснование «изменяет, и порой весьма существенно, обосновываемое духовное образование, наделяет его новыми характеристиками и свойствами. Обосновываемое в том виде, в котором оно выступает в конце процедуры, всегда имеет по крайней мере одну новую характеристику, какой у нее не было в ее начале. Иными словами, всякий обосновательный акт принципиально конструктивен, он представляет собой средство формирования, созидания обосновываемого духовного феномена»¹. Тем самым обоснование не сводится к процессу экстерииоризации, экспликации открытия на символическом языке, принятом в данной сфере культуры, но представляет собой «поле» развертывания открытия. Обоснование есть одновременно и самополагание определенной конструктивной модели новой предметности знания, и экспликация ее внутренних закономерностей. Оно не только «вбирает» в себя всю спонтанность открытия, но и добавляет к ней свою собственную. Последняя имеет место в процессе свободного отбора и соединения отдельных элементов обоснования и доказательства, уже имевшихся в тезаурусе данной сферы познания, таким образом, чтобы новое знание оказалось «прозрачным», доказуемым и не противоречащим его фундаментальным принципам. Каждый из этих элементов (готовых теорий, законов, методов) изначально считается обоснованным, но сама их связь и последовательность в рамках обоснования нового знания не задана изначально, она только возникает

---

¹ Никитин Е. П. Открытие и обоснование. М. : Мысль, 1988. С. 160.

ет, создается впервые в самом же процессе обоснования, т. е. оказывается одной из составляющих нового знания. Отбор, взаимосвязь и последовательность элементов обоснования знания конструктивны и не обусловлены самим по себе содержанием этих элементов, уже имевшимся до открытия и обоснования нового знания, — тем самым осуществляется специфическая спонтанность обоснования, отличная от особой спонтанности «первичного» открытия, хотя и тесно переплетенная с последней.

Открытие и обоснование происходят, как правило, на разных «языках» и в соответствии с разными логиками. «Двуязычие» и «двулогичность» познавательного действия, наличие в нем «внутренней» и «внешней» сторон, в общем виде отражаемые в понятиях открытия (понимания) и обоснования (доказательства), есть исходная данность, позволяющая понять возникновение феномена спонтанности. Действительно, поскольку «между логическими принципами и реальными процессами мышления не существует четко выраженного соответствия, как нет такого соответствия между правилами грамматики и речевым поведением»². Но поскольку между «внутренней» и «внешней» логикой и языками познания нет однозначного соответствия и непосредственной взаимной обусловленности, то переходы с одной на другую (от понимания к обоснованию и обратно), составляющие процесс познавательного действия, должны быть спонтанными в своей основе. Именно поэтому открытие и обоснование в равной степени носят спонтанный характер. Тем не менее «ключ» к феномену когнитивной спонтанности ближайшим образом лежит именно в открытии как первоисточнике самополагания новых смыслов и новой эмпирии, через эти смыслы усматриваемой. Хорошую феноменологию спонтанных процессов познания дают М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский: «Когда мы мыслим, мы не имеем никаких гарантий, что данная мысль или мысль вообще “придет” нам в голову. Когда она пришла нам в голову, мы можем постфактум развернуть ее как какую-то структуру, в том числе структуру логических выводов... Только постфактум она приобретает черты какой-то необходимости, в том числе логической, и только на уровне рефлексии мы развертываем такого рода порядок в структуру, в которой есть какое-то движение от элемента X к элементу Y, от элемента Y к элементу Z во времени... С переходом на уровень рефлексии и с дублированием некоторого спонтанного процесса сознания на рефлексивном уровне строятся какие-то особые условные конструкции... контролируемого повторения и воспроизведения того, что было прежде спонтанным и неконтролируемым»³. Эти рефлексивные конструкции, модели мысли, полученные в результате обработки результатов спонтанного познавательного действия (перевода его с языка открытия на язык обоснования), в свою очередь «оседают» в тезаурус традиций познания.

«Скачки» в познании, как правило, не бывают результатом намеренного сопряжения разных уровней познания, но всегда несут в себе элемент стихий-

---

² *Бабушкин В. У.* О двух моделях понимания // Загадка человеческого понимания. М. : Политиздат, 1991. С. 162.

³ *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 152–153.

ности. Причем среди сопрягаемого могут оказаться и компоненты, не вполне прозрачные для понимания, некие «черные ящики» мысли, но оказывающиеся в конечном счете продуктивными элементами рефлексии. Об этом справедливо писали Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов: «В качестве аналога хаоса в когнитивных процессах можно истолковать разнообразие элементов знания, составляющих креативное поле поиска, разнообразие испытываемых ходов развертывания мысли... Активное допущение даже “глупых” действий и идей есть механизм выхода за пределы стереотипов мышления... Абсурд — это тайная кладовая рационального, его стимул и его потенциальная форма. Умная мысль рождается из глупости, рациональное — из абсурда, порядок — из беспорядка»⁴. Прохождение через «точку абсурда» есть тот момент самопроблематизации познающего разума, без которого невозможен переход к новому знанию и тем более к новому мировоззрению, но момент, отнюдь не означающий умаление разумности познавательного действия. Наоборот, в способности к свободной самопроблематизации, к постановке самого себя под вопрос заключается высшее достоинство разума. Можно сформулировать особый императив «предельной» разумности: «Всегда мысли так, чтобы под вопросом оказывались не только факты и закономерности эмпирического мира, но и твои собственные познавательные формы, методы, идеи, установки и мировоззрение в целом». В режиме предельной самопроблематизации разума сознание максимально открыто для «всеобщего логоса» (Гераклит) — иначе говоря, особой сферы универсальных, предельных оснований всякого знания.

«Открытие» как таковое представляет собой общекультурный феномен: им является любое приращение знания, независимо от характера последнего (научное, художественное, нравственное, духовное и т. д.). О наличии «знания» как такового можно говорить тогда и только тогда, когда имеет место опосредование отношения человека к некоторому фрагменту реальности его идеально-конструктивной моделью, независимо от природы и происхождения этой модели. (Это может быть и теория, и идеологическая конструкция, и художественно-образная система, и миф, и т. д.). Но до настоящего времени исследования внутренней логики открытия велись в основном на материале истории науки. Среди известных нам концепций логики открытия наиболее содержательной и плодотворной для понимания открытия как общекультурного феномена является, на наш взгляд, концепция Б. М. Кедрова. Предпосылкой открытия, по Б. М. Кедрову, является стадия индуктивных обобщений, восхождения от единичного к особенному, когда обнаруживается группа фактов, необъяснимых в рамках принятой теории (или, добавим, культуры, идеологии, мировоззрения в целом), и выделяется ряд конкретных свойств, которые и не позволяют дать им стандартные объяснения. Следующей, уже не эмпирической, а логической предпосылкой открытия является возникновение так называемого «барьера», который состоит в отсутствии оснований перехода от особенного к всеобщему, т. е. объяснения группы явлений как проявления всеобщей закономерности, что требуется самую сутью научного мышления.

---

⁴ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодотраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 113.

Логическая суть «барьера» скрыта за его идеологической «упаковкой» в сознании исследователя, поэтому Б. М. Кедров определяет характер «барьера» как синкретический, «познавательно-психологический». Ключевой идеей концепции Б. М. Кедрова является утверждение, что «барьер» никогда не преодолевается «в лоб», в соответствии с линейно-последовательной логикой выводов и доказательств, но с некоторого «трамплина», который «как бы переводит мысль ученого с прямого пути... который перекрыт барьером, на боковой путь... перевод мысли ученого с прямого пути на окольный... осуществляется посредством своеобразной “подсказки”, вызванной движением мысли по ассоциации и наводящей мысль на то, что скрыто за барьером. Такую “подсказку” осуществляет некоторый посторонний процесс, являющийся совершенно внешним по отношению к данному познавательному процессу»⁵. Эти два изначально независимых друг от друга процесса (и две различные предметные области объективной реальности, в которых они протекают) «как бы пересекаются... и в месте пересечения обоих процессов совершается научное открытие (точнее, здесь оно начинается)... Каждый из двух процессов, которые случайно пересеклись... представлял собой необходимый ряд событий, совершенно независимый от другого процесса. Случайность возникла, таким образом, в месте пересечения двух необходимых, независимых между собой рядов событий»⁶. Ассоциации двух независимых процессов и соответствующих предметных областей реальности, как писал Б. М. Кедров, означает, что «в действие вступает интуиция в качестве особого логического приема непосредственного, причем самопроизвольного умозаключения. В точке пересечения двух независимых рядов... действие интуиции проявляется с особой силой». Наконец, на последнем этапе, после «прыжка» через «барьер» от особенных явлений к усмотрению всеобщей закономерности, их обуславливающей, наступает последняя стадия открытия, где оно переходит в обоснование, когда «на первый план выступает дедукция, дедуктивные выводы, которые извлекаются из сделанного открытия, а затем проверяются на практике»⁷.

То, что с психологической точки зрения выступает как ассоциация двух различных явлений, с логической — как пересечение двух независимых причинно-следственных «цепочек», имеет также особый онтологический и гносеологический аспекты. Первый состоит в том, что открытие было бы невозможным, названная ассоциация и пересечение не имели бы объективного, общезначимого характера, если бы в их основе не лежала *сквозная изоморфность разнообразных явлений самой объективной реальности, наличие некоторой «первоматрицы», в соответствии с которой структурирована предметность универсума*. Только при наличии такой сквозной изоморфности явлений и процессов разных сфер реальности сопоставление, аналогия двух предметных сфер может приводить к открытию закономерности в одной из них путем переноса структурных свойств с одной на другую. Этот перенос происходит в форме

---

⁵ Кедров Б. М. Логика научного открытия как логика установления новой истины // Разум и культура. Труды франкосоветского коллоквиума. М. : МГУ, 1983. С. 124.

⁶ Там же. С. 125.

⁷ Там же. С. 126.

трансцендентальной схемы, «абстрактной наглядности» (М. К. Мамардашвили) благодаря способности продуктивного воображения. Понятно, подобный перенос невозможен на уровне эмпирически наблюдаемых, а не идеально-структурных свойств и отношений — ведь речь идет о разных предметных областях. «Так, — отмечал В. С. Швырев, — формирование новых физических концепций и теорий было, как правило, связано с переносом моделей, выработанных в уже сложившихся достаточно развитых научных дисциплинах: скажем, при построении молекулярно-кинетической теории газов использовалась механическая модель соударяющихся шаров, в электродинамике Максвелла применялись электростатические и гидродинамические модели, в основание первых схем строения атома была положена планетарная модель и т. д. Важно подчеркнуть, что *переносились не собственно знания, а те основополагающие онтологические схемы и модели, “картины реальности”,* которые лежали в основе соответствующих физических теорий и концепций. При этом “вживание” заимствованных из других областей знания моделей в новую область представляло собой сложный и трудный процесс, нередко приводило к парадоксам»⁸ [выделено нами. — *Авт.*].

Стоит в связи с этим отметить, что и само понятие «интуиция» по своей этимологии (от лат. *intus-itus* — «вхождение вовнутрь») как раз и означает трансцендирование, переход от образов эмпирической наглядности к наглядности идеально-смысловой, к «трансцендентальным схемам», а далее — назад, к обнаруживанию новых эмпирических экспликаций последних. Научное открытие является частным случаем общекультурного механизма приращения смысла, и поэтому структурная схема научного открытия, описанная выше, может быть путем некоторого обобщения экстраполирована на все сферы культуры. Можно было бы показать, что генезис художественного образа, моделей повседневного поведения, естественного языка, стереотипов общественного сознания и т. д. имеет ту же самую структуру.

Во всех случаях приращения смысла имеет в качестве своей необходимой предпосылки момент инаковости сознания самому себе, когда оно само себя делает предметом рефлексии, «переоткрытия» и изменения. Однако откуда берутся необусловленно-конструктивные содержания знания, если их не было в предшествующем знании и они не могут быть взяты и непосредственно из предметных ситуаций объективной реальности?

В. Н. Костюк переформулировал этот вопрос в форме герменевтического круга: «Чтобы выразить наблюдение в языке науки, надо воспользоваться некоторой теоретической схемой описания... Поэтому каждое наблюдение предполагает справедливость некоторой теории... Если же наблюдения (эксперименты) зависят от теории, то каким же образом эксперимент может выполнить роль критерия истины? Не получается ли в этом случае логический круг: мы проверяем теорию посредством теории?»⁹. Характерна его апелляция к

---

⁸ Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М. : Политиздат, 1984. С. 213.

⁹ Костюк В. Н. Объяснение, предсказание, понимание // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления : сб. науч. тр. Киев : Наукова думка, 1980. С. 260.

естественному, обыденному языку человека, «мало зависящему как от эксперимента, так и от теории... И в той мере, в какой наблюдения (результаты экспериментов) выразимы на этом языке, они независимы от теории и имеют самостоятельное значение»¹⁰. При всей неудовлетворенности такого решения проблемы в нем наличествует правильная интуиция о существовании некоторого первичного смыслового тезауруса культуры, обращение к которому в конечном счете и позволяет познавать новые предметные ситуации объективной реальности, с которыми сталкивается наука (и освоение мира в иных сферах культуры). Ошибка данного автора, в сущности, была лишь в том, что вместо содержания первичной смысловосферы он взял одну из частных форм ее предметного бытия — естественно-языковую.

Первичная смысловосфера представляет собой совокупность символически «кодированных» смыслов человеческой жизнедеятельности во всех ее проявлениях, хранящих в себе совокупный опыт освоения мира и самоосвоения (освоения своих сущностных сил) человеком. Новыми в отношении первичной смысловосферы могут быть только: 1) предметные ситуации познания; 2) формы символического выражения и закрепления первичных смыслов (архетипов сознания) как результат освоения этих новых предметностей. Первосмыслы (например, понимание мира как состоящего из частей и целого, имеющего в себе причины и следствия, и т. д.) приобретают новое предметное воплощение, но сами по себе остаются неизменными. То же самое происходит и с более сложными, комплексными первично-смысловыми структурами. Характерным примером инвариантности последних является переоткрытие принципов пространственно-временной относительности в физике и космологии XX века: эти принципы лежат в основе как архаического мировосприятия, так и обыденного и эстетического сознания, но были временно «заблокированы» ньютоновской физикой, а затем по-новому, на новом предметном материале обнаружены современной наукой¹¹. Другой, еще более новый и характерный пример — возрождение архетипической идеи единой мировой субстанции («поля») в современной физике¹².

Интересным исследованием этого «архетипического», инвариантного базиса содержаний человеческого познания занимался С. Б. Крымский. «О потенциале семантического поля культуры, — отмечает указанный автор, — свидетельствует то обстоятельство, что все значительные научные открытия (не говоря уже о художественном творчестве) имеют в нем идейные прообразы (в виде аналогов и догадок). Более того, чем крупнее научный результат, тем глубже его истоки в духовной подпочве цивилизации, тем больше прообразов ему предшествует. А фундаментальные идеи вообще нисходят к сквозным структурам культуры (или архетипам), которые пронизывают весь массив ее истории. Таковы идеи атомизма, эволюционизма, симметрии, гармонии, эфи-

---

¹⁰ Там же. С. 261.

¹¹ См.: Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука // Бытие. Имя. Космос / А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1993. С. 61–306.

¹² См.: Гудков Н. А. Идея «великого синтеза» в физике. Киев: Наукова думка, 1990. 212 с.

ра и вакуума, хаоса и порядка, четырехкатегорности материальных основ явлений (природных стихий или типов микрочастиц), эвристики целых чисел... и геометризации физических сущностей и т. д. Разумеется, эти идеи были научно доказаны в XIX и XX столетиях, но их прообразы заложены в семантическом поле культуры и как бы смыслоориентируют пути их поиска»¹³. По мнению выдающегося биолога XX столетия А. А. Любищева, в ходе любого естественно-научного исследования, независимо от его предметной сферы и построения соответствующей теории, «выявляются следующие антитезы в подходе к явлениям природы: а) математическое описание (Пифагор) или объяснение (Аристотель и др.); б) сведение к действующим причинам (Демокрит, Ф. Бэкон) или финальным (Аристотель); в) принятие постулатов «все течет» (Гераклит) или «все истинно сущее неизменно» (Парменид); г) меристическое понимание (Демокрит) и холистическое (Платон)»¹⁴.

Тем самым глубина и интенсивность «включенности» индивидуального сознания ученого в архетипическую смысловую протоструктуру культуры определяются вовсе не специфической предметностью его исследовательской деятельности, и тем более не специфической экспериментальной или проблемной ситуацией, но именно уровнем его общей культуры, определяющей смысловую открытость и рефлексивную глубину его сознания, которая позволяет ученому эффективно извлекать из интересубъективного опыта культуры те эвристичные «протосмыслы», которые необходимы в качестве смысловой «матрицы» решения конкретной научной проблемы или еще более узкой экспериментальной задачи.

Предсуществование инвариантной символической протоструктуры, «сети» смысловосферы, осваиваемой человеком в разные времена по-разному, составляет ту глубинную структуру познавательного мироотношения, которая определяет саму возможность когнитивной спонтанности и в связи с которой последняя получает свое сущностное объяснение. Именно иерархичность, «многослойность» смысловосферы определяет неизбежность переходов и «скачков» с одного уровня ее содержания на другой в процессе поиска смысловых моделей для новой предметности познания. Не видя возможности объяснения закономерностей этой новой предметности в рамках ближайших моделей (например, научной теории или рабочей гипотезы), сознание движется далее в глубину смысловосферы, привлекая к объяснению новых феноменов более фундаментальные ее слои — вплоть до общих мировоззренческих предпосылок. Модели понимания объективной предметности представляют собой определенные смысловые комплексы в виде схем «абстрактной наглядности», а по отношению к живому процессу мысли выступают в качестве структур-«аттракторов»¹⁵. В промежутках между ними мысль не имеет за что «зацепиться», и она движется от «не срабатывающих» аттракторов более частного порядка

---

¹³ Крымский С. Б. Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 41.

¹⁴ Любищев А. А. Проблемы систематики // Проблемы формы, систематики и эволюции организмов : сб. ст. / А. А. Любищев. М. : Наука, 1982. С. 83.

¹⁵ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодистраивание. С. 111.

(общепринятых теорий, рабочих гипотез) сначала к аттракторам того же уровня, но альтернативным первым; затем (если и эти не «сработали») — к более фундаментальным. В пределе может не сработать не только рабочая гипотеза, индивидуальное мнение, общепринятая теория и даже общенаучная и общекультурная парадигма, но и мировоззрение в целом, вся картина мира, онтология и система ценностей исследователя. По отношению к фундаментальным установкам познания (общемировоззренческим и научно-парадигмальным) происходит «вторжение» конкретики, воплощающей в себе какие-то смыслы и предметности, не освоенные и не понятные в рамках этих установок. Нет никакой строгой необходимости на столь фундаментальном уровне считаться с какими-то отдельными противоречащими фактами: намного проще объявить их легко объяснимыми (редуктивная ситуация) либо вообще не существующими (списать на подтасовки, неточности и т. п.). Здесь также имеет место лишь повод, но не причина; не жесткая необходимость, но лишь стимул, возможность перехода к фундаментальной рефлексии. Но движение мысли, начавшееся с попытки объяснения одного-единственного факта, может заканчиваться мировоззренческой трансформацией.

Таким образом, если в области конкретной предметности познания всегда возникают лишь «поводы» для качественных «скачков», порождающих новое знание, то *причиной открытия (в широком смысле слова) всегда является особая творческая включенность исследователя в напряженное осмысление фундаментальных проблем, восходящих к самым общим мировоззренческим принципам, укорененным в «сквозных» структурах (архетипах) культуры.* Таким образом, общей культурно-онтологической предпосылкой спонтанности процессов познания является структурированность знания (и смысловосферы в целом), при которой переход от одной модели объяснения конкретной предметности к другой предполагает скачок на уровень знания и смыслов более фундаментального порядка; и наоборот, рефлексия этих уровней опосредована скачком к эмпирической фактуре проблем. Оба «скачка» носят спонтанный, т.е. недетерминированный своими ближайшими условиями характер, предполагая свободный отказ от редуктивной установки понимания.

Каждое великое научное открытие весьма подобно художественному произведению, по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, оно является результатом особого прозрения в самую суть вещей, открывая разуму то, что не видно само по себе, исходя лишь из одних наличных фактов, сколько бы их ни накапливалось. Все живут в одном и том же мире, но только художник усматривает в нем нечто, чего не увидят другие без помощи созданного им произведения. И точно так же ученый, совершающий открытие, на уровне фактической эрудиции в области своих исследований, как правило, не особенно превосходит своих менее удачливых коллег. А часто известны случаи, когда открытие делалось именно потому, что он как раз чего-то «не знал» — и именно поэтому пошел путем, который другие считали безнадежным. В этом смысле говорят, что в подлинном ученом никогда не умирает дилетант. (Точно так же и подлинный художник — это всегда «варвар», не вписывающийся в «приличия».)

История всех сфер научного знания содержит огромные материалы, в которых самым ярким образом отразился феномен спонтанности познания и научного открытия. В качестве лишь одного такого примера стоит очень кратко остановиться на великом открытии Д. И. Менделеева, точнее, на том особом *внутреннем пути мысли* ученого, который к нему привел. В творческом наследии ученого есть интереснейшее ретроспективное свидетельство об особой «внутренней» — то есть не теоретической или экспериментально-лабораторной, а особой *экзистенциально-мировоззренческой* — логике его великого открытия. Вот что пишет Д. И. Менделеев: «Посвятив свои силы изучению вещества, я вижу в нем два таких признака или свойства: *массу*, занимающую пространство и проявляющуюся... яснее или реальнее всего в весе, и *индивидуальность*, выраженную в химических превращениях, а яснее всего в представлении о химических элементах. Когда думаешь о веществе... нельзя, для меня, избежать двух вопросов: сколько и какого дано вещества, чему и соответствуют понятия массы и химических элементов... Поэтому невольно зарождается мысль о том, что между массой и химическими элементами необходимо должна быть связь, а так как масса вещества... выражается окончательно в виде атомов, то надо искать функционального соответствия между индивидуальными свойствами элементов и их атомными весами... Вот я и стал подбирать, написав на отдельных карточках элементы с их атомными весами и коренными свойствами, сходные элементы и близкие атомные веса, что быстро и привело к тому заключению, что свойства элементов стоят в периодической зависимости от их атомного веса»¹⁶.

Как видим, в этой ретроспективной схеме полностью абстрагированы все реальные перипетии исследований, через которые Д. И. Менделеев двигался к своему открытию. Более того, в ней упрощена и его внутренняя логика, отброшен весь контекст истории науки и все конкретные формы постановки проблем, через которые шла мысль, прежде чем откristаллизуется в простую форму закона, требующего лишь дальнейшей проверки и уточнений. Что же на самом деле важно в этом ретроспективном свидетельстве? Здесь по-настоящему важно, во-первых, осознание ученым базовых мировоззренческих оснований хода своей мысли, понимание открытого им закона как проявления фундаментальных принципов исповедуемой им картины мира; а во-вторых, в этом автобиографическом тексте особо хорошо видна *свободная спонтанность его мысли*, не отягощенной устоявшимися представлениями и двигавшейся на основе *критической рефлексии базовых принципов своей сферы науки*.

В свою очередь, следует отметить, что с точки зрения анализа творчески-деятельностных и культурно-смысловых детерминаций этого открытия, одно чисто биографическое обстоятельство — действительно ли снилась таблица элементов Д. И. Менделееву во сне или нет — не имеет ровно никакого значения. Дело в том, что поскольку сама природа генезиса научного открытия всегда сущностно связана со *спонтанностью* человеческого сознания, то конкретная психологическая форма проявления этой спонтанности в принципе не имеет значения. В случае с открытием Д. И. Менделеева важно другое. Здесь

---

¹⁶ Цит. по: Смирнов Г. В. Менделеев. М. : Молодая гвардия, 1974. С. 97.

важно то, что открытие было сделано сразу в виде *целостного, наглядного образа*, который затем уже мог уточняться и «обрастать» новыми теоретическими обоснованиями. В этом следует усматривать вторую важную «модельную» закономерность, а именно: *чем фундаментальнее открытие, тем в большей степени оно непосредственно «встроено» в «картину мира» и поэтому само приобретает форму целостного смыслообраза особой реальности*. В свою очередь, наглядность «смыслообраза» некоей реальности, формируемого открытием, всегда тесно связана с архетипическими образами, укорененными в самых глубинных «слоях» культуры. В случае с открытием Д. И. Менделеева названных С. Б. Крымским «сквозных» идей явно недостаточно, хотя они, безусловно, в нем также проявились. На наш взгляд, в этом открытии ключевую роль сыграла архетипическая идея *цикличности бытия*, породившая и соответствующий ей теоретический смыслообраз системы химических элементов. Приведенные соображения достаточно подробно показывают особую «модельность» открытия Д. И. Менделеева в качестве образца научного познания и проявления его глубинных творческих законов.

Особым образом в открытии Д. И. Менделеева проявилось и прохождение смыслового «барьера» в познании. В этом контексте интересно рассуждение одного из биографов ученого: «У каждого ученого есть исследование, которое лично для него означает гораздо больше, чем для науки; которое в формировании его собственных взглядов сыграло роль гораздо более важную, чем в формировании избранной им науки. Думается, что “Органическая химия” была именно таким трудом для Менделеева. Совершенно очевидно, что эта книга не сыграла значительной роли в развитии органической химии, зато она дала Дмитрию Ивановичу повод и возможность обдумать и решить для себя еще одну важную сторону волнующей его проблемы, сделать еще один шаг по направлению к его великому открытию... Менделеева побудили заняться органической химией гомологические ряды»¹⁷. Очевидно, именно это исследование гомологических рядов на материале органической химии позволило Д. И. Менделееву глубоко продумать и инструментализировать тот принцип понимания строения вещества, который впоследствии и привел его к открытию периодической системы. В случае с научной биографией Д. И. Менделеева «барьер» оказывается достаточно «мягким» — это лишь временный уход в смежную область. Понятно, что феномен *разносторонности*, который история науки обнаруживает у всех значительных ученых, глубоко закономерен: он является проявлением не просто их широкой культуры интересов, но в первую очередь — *требованием самой логики научного поиска*, для которого всегда необходим постоянный арсенал «моделей» из других сфер реальности.

Вместе с тем нетрудно предположить, что *в феномене «барьера» есть всегда также и особый коммуникативный аспект*, на который Б. М. Кедров в свое время не обратил внимания. Вот что пишет, например, тот же биограф Д. И. Менделеева: «Ясная, чрезвычайно наглядная картина перехода весового количества в химическое качество была так близка и дорога душе Менделеева, вносила столько ясности и понимания в систему его взглядов, что он

---

¹⁷ Там же. С. 61–62.

весьма настороженно отнесся к структурным теориям и объяснениям изомерии, появившимся вскоре после выхода его книги. Структурные формулы и изомерия настолько усложняли построенную им модель, порождали столько новых вопросов, что Дмитрию Ивановичу пришлось проявить редкое умение — умение самоограничиваться. Он интуитивно ощутил: иногда пытаться ответить на все вопросы — значит отказаться от намерения понять хоть что-нибудь. И он не стал претендовать на то, чтобы объяснить все... время показало, что здесь прав был именно Бутлеров. Но зато Менделеев открыл периодическую систему элементов. И быть может, и в том, что он сделал это великое открытие, и в том, что он оказался не прав в споре с Бутлеровым, проявилась одна и та же особенность его мышления — умение пренебречь усложняющими дело тонкостями и обнаружить мощный принцип, позволяющий увидеть порядок в груди материала, поначалу представляющейся хаотичной. Понятие о пределах — вот тот принцип, который дал возможность Менделееву охватить единым взглядом пеструю картину органических веществ. И позднее мы увидим, какую роль сыграет этот принцип в открытии периодического закона»¹⁸. Итак, на примере Д. И. Менделеева цитированный автор сформулировал два принципа мышления, которые сами по себе уже не являются лишь «чисто биографическими», но явно могут претендовать на общезначимый характер. Это: 1) «умение самоограничиваться», даже ценою уступки в конкретном споре; 2) отказ от претензии «объяснить все» ради «обнаружения мощного принципа», позволяющего сделать настоящий прорыв в понимании и дальнейшей концептуализации той или иной области познания. Но сами эти принципы всегда проявляются только в форме спонтанного хода мысли, путем многократных проб и ошибок, но никак не в форме готового «алгоритма».

Обобщая, отметим также, что сущностная спонтанность познавательного действия обусловлена как онтологией смысловой сферы, так и собственной онтологией познающего субъекта. В особом феномене спонтанности познания нагляднейшим образом явлена человеческая «вакансия» бытия в мире — его открытость любому возможному содержанию, способность к свободной (т. е. имеющей только конкретные «поводы», но не однозначно детерминирующую причину) трансформации сознания, мировоззрения и мироотношения в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин В. У. О двух моделях понимания // Загадка человеческого понимания. — Москва : Политиздат, 1991. — С. 160—175.
2. Гудков Н. А. Идея «великого синтеза» в физике. — Киев : Наукова думка, 1990. — 212 с.
3. Кедров Б. М. Логика научного открытия как логика установления новой истины // Разум и культура. Труды франко-сов. коллоквиума. — Москва : МГУ, 1983. — С. 122—128.
4. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодотраивание // Вопросы философии. — 1994. — № 2. — С. 110—122.

---

¹⁸ Смирнов Г. В. Менделеев. С. 63—64.

5. *Костюк В. Н.* Объяснение, предсказание, понимание // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления : сб. науч. тр. — Киев : Наукова думка, 1980. — С. 246—261.
6. *Крымский С. Б.* Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса // Вопросы философии. — 1998. — № 4. — С. 40—50.
7. *Лосев А. Ф.* Античный космос и современная наука // Бытие. Имя. Космос / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1993. — С. 61—306.
8. *Любищев А. А.* Проблемы систематики // Проблемы формы, систематики и эволюции организмов : сб. ст. / А. А. Любищев. — Москва : Наука, 1982. — С. 82—84.
9. *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 224 с.
10. *Никитин Е. П.* Открытие и обоснование. — Москва : Мысль, 1988. — 221 с.
11. *Смирнов Г. В.* Менделеев. — Москва : Молодая гвардия, 1974. — 312 с.
12. *Швырев В. С.* Научное познание как деятельность. — Москва : Политиздат, 1984. — 232 с.